

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ РУССКОЙ МУЗЫКИ

К 130-ЛЕТИЮ Н. Я. МЯСКОВСКОГО (1881-1950) И 120-ЛЕТИЮ С. С. ПРОКОФЬЕВА (1891-1953)

12 октября 1921 года 30-летний Прокофьев, готовясь к отплытию на тихоокеанском пароходе в Америку, оставил в Париже завещание. Со времени гибели «Титаника» к описываемому моменту прошло 9 лет. И, отправляясь в дальнее морское путешествие, трудно, видимо, было избежать мыслей о бренности земного существования. В парижском завещании 1921 года Прокофьев отдавал свои авторские права матери, Марии Григорьевне. А если с нею что-либо случится, – проживающему в большевистской Москве Николаю Яковлевичу Мясковскому. Мясковский был вторым после матери человеком на этой земле, к которому Прокофьев обратил свою душу и кто, по его представлению, лучше других мог распорядиться всем, им к тому времени созданным.

Они встретились осенью 1906 года в Петербургской консерватории, где оба проходили курс обучения в классе контрапункта и инструментовки. Оба родились в апреле. С разницей в 10 лет. Старший, «Милое Коло», «НЯМуся», как звал его в юности Прокофьев, – в 1881-м. Младший, «Серж», «Прокоша» – в том 1891-м, который дал русской культуре и М. А. Булгакова. Тогда же завязалась эта дружба – между молчаливым и сдержанным, сложившимся как личность Мясковским и подростком Прокофьевым. Тогда же возник и взаимный интерес к тому, что делает каждый в профессии. Его результатом стала *Переписка*, опубликованная в 1977 году, – одна из концептуальных основ исследования их творчества. Но и помимо нее творческих «перекрещиваний» художественных миров обоих композиторов превеликое множество.

Ранний пример – переложение Н. Я. Мясковским в 1908 году *Andante* из Симфонии Прокофьева е-молл для фортепиано в 4 руки. В дальнейшем Мясковский неоднократно обращался к подобному виду работы, желая поскорее, до премьеры, насладиться новым сочинением друга в коллективном профессиональном музицировании, а заодно отметить недостатки и высказать в письме свои замечания. Другой, более поздний пример: в 1937 году для планируемого совместного концерта во Франции Прокофьев сочинил аннотацию о собственной симфонической сюите «Поручик Киж» и о «Лирическом концертино» Мясковского, всемерно продвигае-

мого им на Западе. Несколько ранее, в 1935 году, от лица Мясковского он написал письмо дирижеру Ф. Стоку на английском языке. А Мясковский в 1940 году обратился в только что учрежденный Комитет по Сталинским премиям с письменным ходатайством о необходимости отметить премией новую оперу «Семен Котко», которую считал одним из лучших произведений Прокофьева. Также немалый интерес представляет и печатный экземпляр клавира оперы «Огненный ангел», выпущенный издательством А. Гутхейля (1927) и хранящийся в архиве Н. Я. Мясковского с его собственноручным переводом текста с немецкого на русский...

Поэтому еще в 1921 году, когда Прокофьев отплыл из Парижа в Америку, их духовному родству не могли помешать ни изнурительная братоубийственная война, ни долгое отсутствие регулярного письменного, так необходимого обоим, общения. В конечном итоге Прокофьев оказался прав: обстоятельства внешние меня-

лись, казавшиеся непреодолимыми повороты судьбы сглаживались. А удивительная, достойная восхищения дружба сохранилась на протяжении всей жизни обоих. Хотя им было предназначено плыть в житейской мути параллельными путями.

Прокофьев – вундеркинд, обласканный вниманием родителей, московских и петербургских музыкантов, даже если его музыка вызывала неприятие и раздражение, с момента своего появления в профессиональной среде воспринимался как большое художественное явление, как событие в мире искусства. «Счастливы родители, имеющие таких детей», – писал Р. М. Глиэр, едва познакомившись с 11-летним композитором.

Мясковский же пробивался к музыке наперекор традициям среды. Первый ученик в Нижегородском кадетском корпусе, затем слушатель Санкт-Петер-

бургской военно-инженерной академии, он занимался музыкальным творчеством урывками. В 20 лет, сидя в глухом, Богом забытом подмосковном Зарайске, куда был послан служить, писал романс «Так и рвется душа...» на стихи А. Кольцова. Перед смертью, в 1950-м, приводя в порядок дела и составляя сборник, помеченный как

театре, стать объектом публичного внимания. Ему было тогда 43.

Отличные в способах и приемах высказывания, однако близкие в сути, оба к тому времени давно обрели свой стиль, свое мировоззрение. «Только теперь я почувствовал (вовсе не понял, а только почувствовал), что искусство, а музыка особенно, решительно лишено национальности, даже националистическое. В конце концов, меняется лишь колорит. А сущность витает куда выше всяких Германий, Франций, России и т. п.», – размышлял, находясь в 1914 году на театре военных действий, поручик Мясковский. Примерно в то же время бывший учитель Прокофьева Глиэр как-то спросил его, какой он придерживается теории. – Никакой! – ответил Прокофьев. Однако он имел свой *modus vivendi*, свое представление о классическом в искусстве, которое разглядели в нем много позже, уже после его ухода из этого мира.

Отношение современников к ним – при всей их непохожести – отличала, как это часто бывает в истории, редкостная близорукость. Да, уже в 1925 году на одном из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) имя С. С. Прокофьева вместе с И. Ф. Стравинским и пианистом А. К. Боровским было названо среди тех, кого желательно было бы вернуть в страну. Да, и позднее любители посчитать количество присужденных Прокофьеву Сталинских премий с легкостью делали вывод, что он, вернувшись в СССР, «продался большевикам», «потерял свой стиль». Да, Мясковский, когда-то названный «художником наших дней», в сознании и теперь живущих не свободен от идеологизированных определений вроде «основоположника советской симфонии» или «советского симфонического летописца».

А какими словами завистники и недоброжелатели встречали их новые произведения?! Об этом стоит упомянуть, хотя бы для

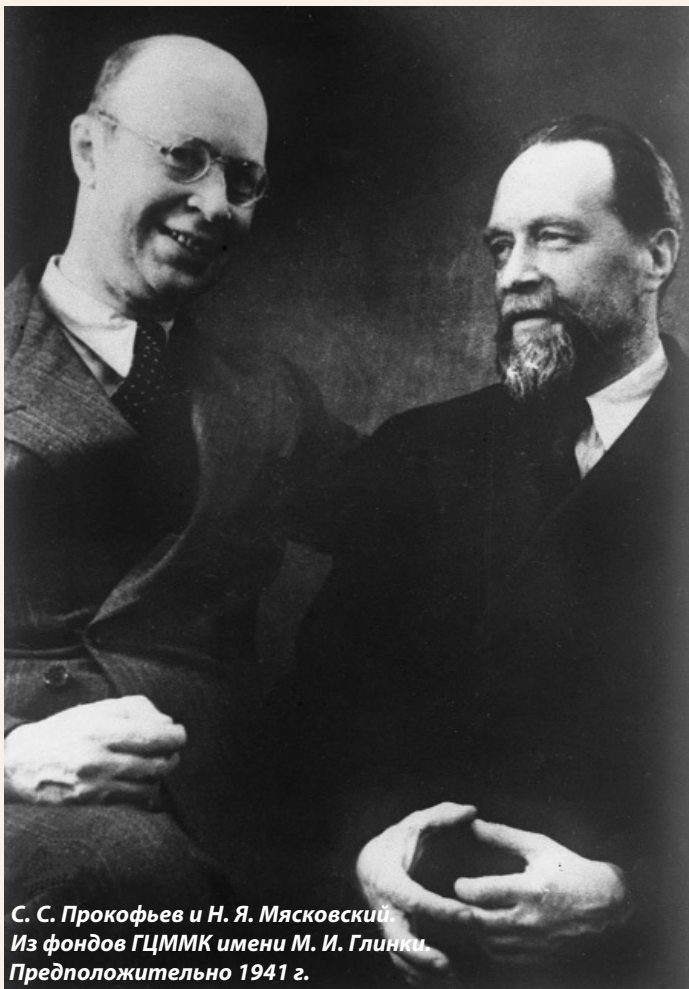
того, чтобы картина прошлого не сильно страдала кривизной.

В 1928 году Ю. В. Келдыш, откликаясь на появление «Стального скака», нашел для балета и его создателя поразительную по нахальству формулировку, граничащую с прямым оскорблением: «Прокофьев все это (революцию. – Е. В.) променял на американские доллары и уют буржуазного салона. Его «Стальной скак» не более, как издевка, пасквиль на революцию». Позднее А. Б. Гольденвейзер, переживавший в годы войны эвакуацию вместе с Прокофьевым, не раз слушал на его глазах рождающуюся оперу «Война и мир» и говорил ее автору одобрительные слова. Однако в своем доносе, посланном в начале 1948 года в Агитпроп, он не постыдился написать о том, что герои в «Войне и мире» изъясняются на «интернациональном волапюке».

А Мясковского его недоброжелатели называли «Вождем музыкального интеллектуализма», желая приписать ему руководство некой идейно сплоченной группой и тем самым навесить политические обвинения. Д. Б. Кабалевскому принадлежит слова о «медном ужасе» – так он назвал партию духовых в Тринадцатой симфонии Мясковского, одном из самых исповедальных и трагических сочинений своего учителя – произведения, которое Г. Н. Рождественский открыл пораженным слушателям лишь в конце 1980-х годов. Хотя были и другие отзывы. Например, о Шестой симфонии Мясковского, исполненной В. Фуртвенглером в 1927 году в Америке, корреспондент «Signale» В. Астхеймен написал: «Полифоническая линия проводится с твердым осознанием цели, случайные диссонансы находят свое объяснение и оправдание. По-видимому, основной программой является разлад между душой и миром»...

Мясковский и Прокофьев наблюдали мир с разных точек. Один писал о разладе между душой и жизнью, второй – о непереносимости ее, жизни, торжестве. Они и говорили в искусстве по-разному. Но это не мешало им всегда знать, что делает каждый, способствовать исполнению, изданию, продвижению произведения друг друга. И просто – быть рядом. Они являли собой редкостный пример преданности – слову, мастерству, искусству, отечеству. Они вошли в историю русской музыки как ее Белая гвардия. Которой, увы, давно нет.

Доцент Е. С. Власова

С. С. Прокофьев и Н. Я. Мясковский.
Из фондов ГЦММК имени М. И. Глинки.
Предположительно 1941 г.

последний его опус, Мясковский именно этим романсом начал цикл, названный им «За многие годы». Он пришел в Петербургскую консерваторию в военном мундире 25-ти лет и еще через 5, трудом и волей одолев премудрости музыкальной науки, получил диплом *свободного художника* – высшую в то время степень квалификации в композиторском мастерстве.

Каждое произведение молодого Прокофьева становилось поводом для общественного беспокойства, взрывало общественное мнение. «Если Прокофьев – композитор, то я не музыкант», – негодовал Н. К. Метнер. Мясковскому же надо было пройти Первую Мировую, отсидев три года в окопах, пережить Гражданскую, уехать из голодного Петрограда, обосноваться в Москве. И лишь в 1924 году, после премьеры Шестой симфонии, исполненной Н. С. Головановым в Большом

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЛИРИЧЕСКАЯ ИСПОВЕДЬ ОРКЕСТРАНТА

1961 год. Руководство Госкомитета СССР по радиовещанию приглашает в качестве художественного руководителя Большого симфонического оркестра молодого, но уже завоевавшего признание профессионалов и публики дирижера Большого театра Геннадия Рождественского. Смена руководства оркестра была связана с настойчиво выражаемым желанием ведущих солистов и всего коллектива оркестра – видеть за пультом руководителя одного из самых талантливых и перспективных дирижеров Москвы. И сегодня, когда отмечается юбилей Геннадия Николаевича, хочется вспомнить о событии пятидесятилетней (!) давности.

Выдающийся русский дирижер Николай Семенович Голованов – фактический создатель БСО – заложил основы коллектива высшего оркестрового исполнительского мастерства, привнес познание и ощущение глубины, великой мощи русской музыки. Александр Васильевич Гаук, руководивший оркестром в течение ряда лет, пополнил его репертуар сочинениями композиторов республик СССР, отечественных авторов и композиторов-классиков.

С наступлением «эпохи Геннадия» в БСО началось небывалое ранее исполнительское общение оркестрантов с музыкой гениальных композиторов современности, неведомой прежде отечественным слушателям, а часто и самим музыкантам. В кратких воспоминаниях едва ли возможно объективно представить масштаб и содержательность художественно-музыкальной панорамы, развернутой Рождественским в период его деятельности на Всесоюзном радио. Дирижер-эрудит, он открывал перед нами мир великой музыки XX века, вообще в СССР ранее не исполнявшейся.

Миллионам радиослушателей и посетителям концертов, а также в записях на пластинки были явлены все симфонии С. Прокофьева, в том числе фактически возрожденные после многолетнего умолчания Вторая и Третья! Прозвучали все симфонии и симфонические поэмы Я. Сибелиуса – океан волшебной и совсем неизвестной для нас музыки; Концерт для оркестра, «Музыка для струнных, ударных и челесты», сюита «Чудесный мандарин» мастера современного оркестра Б. Бартока; «Питтсбургская симфония» и другие произведения П. Хиндемита. Маэстро и его оркестр играли произведения Г. Малера и Л. Яначека, А. Шенберга и А. Берга; впервые прозвучали Третья симфония А. Брукнера, сочинения Б. Бриттена, Д. Мийо, А. Онеггера (Пятая симфония, «Жанна д'Арк на костре», «Пасифик – 231»). Блеском и темпераментом исполненный впечатляли симфонические поэмы «Дон Жуан», «Веселые проказы Тиля Уленшпигеля», «Дон Кихот», «Так говорил Заратустра», «Жизнь героя» и «Домашняя симфония» Р. Штрауса. Музыкой балета «Поцелуй феи», Симфонией в трех движениях, камерной опе-

рой «Мавра» и другими произведениями Геннадий Рождественский «напомнил» соотечественникам о существовании великого русского композитора Игоря Стравинского.

Важнейшей частью репертуара оркестра оставались произведения композиторов СССР, прежде всего С. Прокофьева и Д. Шостаковича. Исполнялись ранее не слышанные у нас сюиты из бале-

ра в России. Новые яркие впечатления принесли слушателям оперы – музыкальная сказка «Дитя и волшебство», комический «Испанский час» М. Равеля, музыкальная пьеса «Умница» К. Орфа, моноопера «Человеческий голос» Ф. Пуленка (с участием Надежды Юреновой и Галины Вишневской).

Полагаю, читающим эти строки знакома блистательная, уникальная по форме и содержательности

Е. Светланова, Г. Абендрота, Л. Стоковского, В. Ферреро, К. Цекки, К. Зандерлинга, А. Ключенца, Ф. Конвичного, К. Мазура, И. Маркевича, композиторов А. Хачатуряна, Р. Глиэра, Д. Кабалевского, П. Владигерова, А. Жоливе... Всех не назовешь, и это все – Имена и Имена. К тому же с БСО играли все выдающиеся инструменталисты нашей страны – пианисты, скрипачи, виолончелисты, выступали

ского» и «Госоркестра Светланова» – в Москве?

В книге Рождественского всего несколько строк о БСО и еще... около двухсот записей с ним, указанных в приложении. Смею утверждать, лица моих коллег в оркестре «с пониманием и, более того, с любовью реагировали на происходящее», они выражали радость творения музыки, радость общения с дирижером. И это было «Лицо Оркестра»! Иначе, отчего могли бы взрываться залы бурными аплодисментами на концертах БСО в Москве и Ленинграде, в городах страны и за рубежом – в Англии, Германии, Японии, в Швеции и Бельгии, в Чехии, Болгарии, Польше, Румынии?! Не успевали отзвучать последние аккорды «Фантастической симфонии» Г. Берлиоза или Пятой П. И. Чайковского, как восхищенные слушатели требовали «бис»! Вступление к третьему акту «Лоэнгина» Р. Вагнера или знаменитый Вальс А. Хачатуряна из «Маскарада» буквально сводили публику с ума! Восторженные рецензии появлялись под заголовками: «Русские идут...» Оркестр и его дирижер устаивались не похвал, нет – именно восхищения.

Искренне жаль оркестрантов сегодняшних, которым не довелось работать и играть с титанами дирижерского искусства, с талантливыми музыкантами, дарившими радость исполнительства в оркестре. Атмосфера оркестровой жизни стала другой. Встречают ли оркестранты дирижера с радостью и желанием ИГРАТЬ, внемлют ли его жестам (и каковы эти жесты?!), увлекаются ли его пониманием исполняемой музыки? Передает ли дирижер творческие импульсы своим оркестрантам, высекая «огонь из души человеческой», пробуждает ли живые чувства, идущие к слушателю?!

Воспоминания о работе с нашим Маэстро – самые радостные мои воспоминания о годах, днях и часах творческого общения с великим дирижером. Потому дорог и юбилей – 50 лет от начала «эпохи Геннадия» в Большом симфоническом оркестре Всесоюзного радио и Центрального телевидения. Пожеланием многих лет жизни, здоровья и творческих сил поздравляю Геннадия Николаевича с грядущим 80-летием!

Профессор Л. В. Раков

тов «Сказка про шута...» и «Стальной скак», кантата «Семеро их» Прокофьева. Наряду с симфониями Шостаковича (от Первой до Пятнадцатой) событием стали исполнения потрясающей вокально-симфонической поэмы «Казнь Степана Разина» на слова Е. Евтушенко (часто ли услышишь это сочинение сегодня?), симфонических антрактов из оперы «Катерина Измайлова». Солидное место в репертуаре занимали произведения талантливых молодых композиторов. Блестящие «Озорные частушки», «Кармен-сюита» (премьера в Ленинграде с Майей Плисецкой), фортепианный концерт (с автором за роялем) представляли Родиона Щедрина, яркие концерты для оркестра – Андрея Эшпая и Султана Гаджибекова. Особенностью творческой работы стали концертные и радиопостановки оперных произведений.

Уместно вспомнить, как дирижеру постоянно приходилось преодолевать идеологические барьеры. Отдельные новые для репертуара произведения буквально пробивались в эфир и в программы концертов. Вместо заботы и поддержки оригинальных проектов чиновники от радиоидеологии и радиомузыки думали о благополучном сидении в своих креслах. Нелегко появилась на свет заново услышанная Рождественским опера Прокофьева «Игрок», по сути дела – премь-

работа Рождественского – книга «Треугольники». Эрудиция автора, охватывающая музыкальное искусство, живопись, литературу, поистине поражает воображение. Заметное место в книге занимают впечатления о Чикагском симфоническом оркестре. Дирижер восторженно говорит о создателях и руководителях оркестра, не забывает и оркестрантов: «В оркестре я с удовольствием наблюдал множество (!) лиц, с явным пониманием и, более того, с любовью (!) реагирующих на происходящее!! А это, я вам скажу, явление редчайшее – понимающие, сочувствующие и радостные лица оркестрантов». Почему задумываешься над таким высказыванием Геннадия Николаевича? Симфоническое искусство – это тоже «треугольник»: дирижер – оркестр (оркестрант) – публика (слушатель). И в этом треугольнике происходит (или не происходит) то, о чем сказал Гете в «Фаусте»: «...но без души и помыслов высоких живых путей от сердца к сердцу нет».

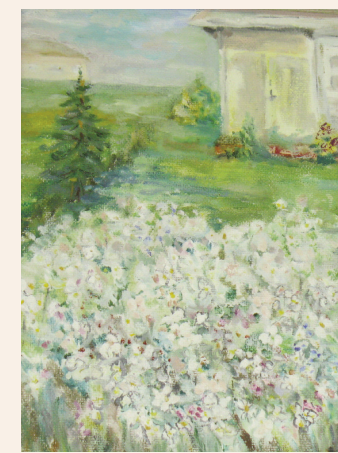
Прослужив в БСО почти 30 лет, хорошо знаю, как относились музыканты оркестра к дирижерам: как воспринимали Н. С. Голованова, А. В. Гаука, как работали с «чужими» маэстро. А за дирижерским пультом БСО оркестранты видели Н. Рахлина и С. Самосуда, К. Кондрашина и Н. Аносова, А. Янсона и Н. Ярви. БСО играл под управлением Е. Мравинского,

самые известные вокалисты. И. С. Козловский поставил и пел в Большом театре оперу «Лоэнгин» Вагнера именно с БСО.

Найдутся ли оппоненты мнению, что 60-е – 70-е годы XX столетия – это расцвет симфонического исполнительства в нашей стране? Найдутся ли оппоненты утверждению, что это была «эпоха BIG THREE» (по аналогии с американской «великолепной симфонической пятеркой» – BIG FIVE): эпоха «Оркестра Мравинского» – в Ленинграде, «БСО Рождествен-

ВЫСТАВКА

В помещении литературного абонемента библиотеки открылась выставка картин профессора кафедры зарубежной музыки Н. А. Гавриловой. Приглашаем всех желающих насладиться одухотворенными пейзажами и натюрмортами художника. Красочные миниатюры, принадлежащие перу музыканта, поднимут настроение любому – не только профессиональному ценителю живописи, но и неискушенному дилетанту.

ФЕСТИВАЛЬ

МНОГОЦВЕТНЫЙ ОРГАННЫЙ ПЕЙЗАЖ

4 апреля в Малом зале консерватории завершился XI Московский международный органно-фестиваль. Этот музыкальный смотр стал уже неотъемлемой частью органного пейзажа России. На протяжении 10 лет Московская консерватория, аккумулируя академические традиции, постоянно развивает и поддерживает исполнительство на таком популярном и по-прежнему «дикивинном» для широкой аудитории инструменте как орган. Гостями фестиваля, бережно и самоотверженно руководимого его основателем, заведующей кафедрой органа и клавесина профессором Н. Н. Гуреевой, стало множество крупнейших деятелей органного искусства Европы. Конечно, все это было бы невозможно без неслыханной поддержки ректора профессора А. С. Соколова.

На этот раз почетным гостем фестиваля стал сравнительно

молодой музыкант, победитель престижнейших конкурсов в Сент-Олбансе и Шартре, а ныне органист знаменитого парижского собора Сакре-Кер на Монмартре Габриэль Маргьери (на фото). Уже сама программа свидетельствовала не только об оригинальности и виртуозности исполнителя, но и об интеллектуальности артистической природы музыканта. Г-н Маргьери предложил блестящую идею –

составить программу, опираясь на географические и образные элементы Средиземноморья. Это позволило ему не только включить известные и проверенные временем сочинения классиков, но также и увлечь слушателя совершенно новыми даже для завсегда органно-концертов именами. Что же удивляться восторженной реакции полного, как обычно, зала! Таким было начало нынешнего фестиваля. Профессор Н. Н. Гуреева в очередной раз упрочила свою репутацию мудрого концертного менеджера, пригласив и тем самым открыв для московской публики новое имя превосходного органиста.

Буквально через два дня в концертном зале музыкального училища состоялся традиционный концерт юных органистов. Какое умиление и восторг вызывают иногда наивные, а иногда и неожиданно зрелые творческие опыты самых маленьких исполнителей на этом сложном инструменте – учащихся московских ДМШ и училища при консерватории! Может быть, не все они продолжают свой профессиональный органно-путный, но как важен для них сейчас этот выход на сцену в рамках столь серьезного музыкального события столицы. И как тревожно осознавать, что для юных органистов и их родителей все это уже вскоре может оказаться лишь воспоминанием о былых надеждах на большой профессиональный успех. К сожалению, 83-я статья Закона об образовании как дамклов меч нависла и над ранним обучением органу, к стати, очень популярному сегодня в ДМШ... Но – будем надеяться на патриотизм и мудрость руководства нашей страны.

Новшеством в прошедшем фестивале стал концерт – творческий обмен между Московской и Санкт-Петербургской консерваториями. Хорошая идея – уже среди студентов укреплять творческие взаимосвязи и делиться опытом,

особенно учитывая то, насколько разрознен и поляризован мир взрослых органистов. А ведь, так или иначе, все мы вышли из одного «академического гнезда». И на будущее было бы весьма уместным включить в круг обменных концертов еще, по крайней мере, два центра органного образования в нашей стране: Нижегородскую и Казанскую консерватории, обе напрямую связанные с московской органной школой.

Еще одним событием можно назвать выступление лауреатов Открытого Всероссийского конкурса «Юный органист», проходящего среди школьников, учащихся среднего профессионального звена, а также консерваторий. Весьма компетентное жюри на этот раз отобрало 11 победителей разных премий. Их появление на престижной сцене Малого зала – большой подарок и своего рода кредит, данный Московской консерваторией тем, кто, уже будучи ее студентом, впоследствии отправится штурмовать конкурсные высоты самых сложных международных состязаний.

Наконец, в программу вошло два концерта-посвящения: А. Ф. Гедике и Л. И. Ройзману – с них когда-то и началась история московского фестиваля. Состав этих вечеров всегда традиционен, интересен и разнообразен одновременно, поскольку исполнителями являются молодые и амбициозные, уже искушенные в профессиональных секретах музыканты – наши студенты и аспиранты, многие из которых весьма успешно заявили о себе на конкурсах и фестивалях. В этих концертах каждый слушатель находит для себя что-то любимое и интересное, ведь программа их невероятно многогранна: старинная музыка, баховские композиции, искусство эпохи классицизма, немецкая и французская романтика, современные произведения, премьеры и редкости, ансамбли с хором, инструменталистами, дуэты... Все

это неизменно привлекает в стены Московской консерватории множество почитателей органной музыки.

Константин Волостанов,
ассистент класса профессора
Н. Н. Гуреевой

В рамках XI Московского международного органно-фестиваля в четвертый раз прошел конкурс молодых композиторов на «Лучшее сочинение для органа». История его возникновения относится к 2002 году, когда по инициативе декана Композиторского факультета профессора А. А. Коблякова в сотрудничестве с заведующей кафедрой органа и клавесина профессором Н. Н. Гуреевой появилась идея создать конкурс среди молодых композиторов, лучшие сочинения которых исполнялись бы студентами и аспирантами на органном фестивале. Второе такое состязание прошло в 2004 году, третье – в 2008.

Каждый конкурс – это рождение новых имен, новых талантов. География участников достаточно обширна и распространяется не только на Россию: есть представители из Украины, Молдовы, Казахстана. В этот раз победителями стали четыре российских композитора и один из Молдовы, который сейчас учится на I курсе Фортепианного факультета МГК. Члены жюри под председательством ректора профессора А. С. Соколова – профессора К. В. Зенкина, Н. Н. Гуреева, А. А. Коблякова, В. Г. Агафонников, Л. Б. Бобылев и доцент Д. В. Дианов – очень внимательно и требовательно отнеслись к представленным работам и к III туру допустили только пять партитур.

В результате I премия не была присуждена, II премию разделили Иван Татаринов (Нижегород, класс доц. Т. Л. Татариновой) и Мария Мурадова (класс проф. В. Г. Агафонникова), III премию получили Денис Писаревский (класс проф. Т. А. Чудовой, Акаде-

мический колледж при Московской консерватории) и Сергей Константинов (класс проф. Ю. В. Воронцова); диплом вручили Анастасии Туминой (класс доц. Д. О. Присяжнюка, Нижний Новгород). Каждый участник помимо памятных подарков в виде комплекта органно-сочинений А. Ф. Гедике и подборки дисков из серии «Композиторы Московской консерватории» получил от консерватории денежные премии.

Концерт лауреатов, состоявшийся 25 марта в Малом зале, прошел с большим энтузиазмом и вызвал заметный интерес публики. Яркое и увлекательно исполняли новую музыку студенты органно-классы Московской консерватории, среди которых были лауреаты международных органно-конкурсов Наталья Ужви (класс проф. Н. Н. Гуреевой), Анастасия Сидоркина (класс проф. Н. Н. Гуреевой), Анна Никулина (класс доц. А. С. Семенова), Марина Бадмаева (класс доц. Д. В. Дианова), а также сам автор – Денис Писаревский (класс органа преп. Г. В. Семеновой). Владение инструментом, для которого композитор пишет музыку, особенно ценно. Знание «изнутри» всех его тонкостей, безусловно, способствует рождению сочинения яркого в концертном плане, естественного по логике интонационного развития и интересного технически.

В заключение профессор А. С. Соколов предложил лучшие сочинения, прозвучавшие на концерте лауреатов, исполнить на II Международном конкурсе органистов имени А. Ф. Гедике, который состоится в сентябре этого года в Москве. Тем более что некоторые участники прошедшего концерта уже серьезно и активно к нему готовятся. Это станет поддержкой и вниманием к таланту молодых композиторов, стимулом для их дальнейшего совершенствования.

Доцент Д. В. Дианов

КОНФЕРЕНЦИЯ

РОВЕСНИЦА НОВОЙ РОССИИ

В марте 2011 года кафедра междисциплинарных специализаций музыковедов отметила свое двадцатилетие. Она была основана в январе 1991 года профессором В. Н. Холоповой и стала ровесницей новой России. Задачей кафедры было создание предметов, необходимых современной культуре. Первой оказалась музыкальная информатика (был приглашен профессор Ю. Н. Рагс), причем тогда, в 1991 году, компьютера почти никто в глаза не видел. Далее по инициативе и при активном участии Л. А. Ладыгина была установлена специализация музыковед-балетовед. Сейчас воспитанница кафедры, специалист по балету А. П. Грузынова закончила докторскую диссертацию. Третьим стал менеджмент в музыкальном искусстве, его бессменный руководитель – О. А. Левко. Междисциплинарными в своей

основе являются предметы, успешно преподаваемые В. Н. Холоповой и другими педагогами кафедры: «Музыка как вид искусства» (с включением психологии, семиотики, аксиологии, эстетики) и «Теория музыкального содержания».

Ныне кафедра МСМ объединяет специалистов в различных областях искусства. Это – завкафедрой, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств России, член-корреспондент РАЕ профессор В. Н. Холопова; стипендиат Программы Фулбрайта (США) профессор О. В. Комарницкая; доктор педагогических наук профессор М. С. Старчеус; доктор искусствоведения профессор Б. Г. Гнилов; стипендиат Программы Фулбрайта доцент О. А. Левко; победитель международного конкурса им. А. фон Гумбольдта (Германия) доцент

С. Н. Лебедев; известный пианист и композитор доцент И. Г. Соколов; Кавалер Ордена искусств и литературы Франции Н. О. Баркалая; лауреат I премии Международного конкурса

исполнителей в Кюртене (Германия) М. Т. Просняков. Свою лепту внес действительный член нескольких академий про-

фессор В. П. Морозов. В прошлом же на кафедре преподавали знаменитый российский филолог Ал. В. Михайлов, музыковед и философ Т. В. Черденченко, музыковед и пианист

А. Ю. Кудряшов. В 2010 году кафедра была удостоена почетного звания – «Золотая кафедра России».

Отпраздновать двадцатилетие кафедры было решено научно-практической конференцией «Достижения и перспективы междисциплинарного музыковедения» (15-16 марта). В гости приехали видные музыковеды со своими научными школами: профессор Л. П. Казанцева (Астрахань) с О. В. Шмаковой и О. В. Шевченко (Волгоград), профессор Л. Н. Шаймухаметова (Уфа) с аспиранткой К. Н. Репиной и музыкальным ансамблем. Поскольку многие доклады посвящались теории музыкального содержания, важно было участие Н. В. Бойцовой, Е. Б. Журовой (Москва) и В. Н. Боголеповой (Екатеринбург), имеющих собственный опыт в ее преподавании. Выступления же самих членов кафедры – яркие и разнообразные – вызвали восхищение присутствующих.

Е. В. Феррапонтова,
преподаватель кафедры МСМ
На фото – участники конференции

ЛИЧНОСТЬ

ЧЕЛОВЕК ШАГАЕТ ПО ЭПОХЕ

Это был человек удивительной судьбы. Его биография могла бы стать основой увлекательного романа. Он жил в самых разных уголках России и Украины: в Кур-

ске, Москве, Петербурге, Рязани, Ярославле, Краснодаре, Житомире, Львове... Круг его знакомств удивительно широк: от маститых педагогов столичных вузов – консерватории и университета – до представителей «серебряного века» и членов царской семьи. 120-летию со дня рождения композитора и педагога **Всеволода Петровича Задерацкого (1891–1953)** был посвящен концерт, который 26 февраля в Конференц-зале провел Музей им. Н. Г. Рубинштейна.

Всеволод Петрович Задерацкий был также блестящим пианистом, дирижером, литератором – автором неоконченного романа «Человек шагает по эпохе». Музыкант широчайшей эрудиции, в разное время

обучавшийся в Московской консерватории, Московском университете, ГИТИСе, В. П. Задерацкий прошел через все испытания своего времени: его неоднократно арестовывали, лишали гражданских прав, обвиняли в формализме.

Через все ужасы судьбы Всеволод Петрович пронес свое Искусство, порой создавая произведения в самых сложных условиях. Когда в 1937 году композитор после ареста в Москве получил «6 лет без права переписки» и его выслали в колымские каторжные лагеря, одни из самых ужасных в системе ГУЛАГа, он в этих нечеловеческих условиях написал цикл из 24 прелюдий и фуг для фортепиано. Ему удалось раздобыть бумагу и карандаш, убедив надзирателей, что записаны будут только нотные знаки. И свершилось главное: он смог создавать музыку в лагере, где, казалось бы, все протестует против творчества. Сегодня 24 прелюдии и фуги – сочинение-подвиг – являются одним из самых известных произведений в творчестве В. П. Задерацкого.

Композитор работал в самых разных жанрах: он – автор двух опер, симфоний, романсов и, конечно же, многочисленных фортепианных сочинений. К сожалению, в силу жизненных обстоятельств состоялось всего два концерта с участием самого В. П. Задерацкого. Многие его произведения были уничтожены во время ареста в Рязани в 1926 году. На сегодняшний день издано большинство его фортепианных пьес, которые стали основой состоявшегося концерта.

В программе звучали сочинения разных лет: две фортепианные сонаты, написанные в конце 20-х годов и овеянные мрачными предчувствиями; фортепианные циклы «Тетрадь миниатюр», «Фарфоровые чашки», пьеса «Серебряный ливень». Эти произведения исполнили студенты и аспиранты консерватории – **Анастасия Антонова, Ольга Ординарцева, Анна Шатковская**, а также студент ГМПИ им. Ипполитова-Иванова **Даниил Екимовский**.

Украшением вечера стало выступление сына композитора **Всеволода Всеволодовича Задерацкого** – профессора, музыковеда, заслуженного деятеля искусств РФ, лауреата Государственной премии. Он рассказал об истории создания некоторых сочинений отца, а также исполнил фортепианную партию в романсах, которые проникновенно спел солист Большого театра **Александр Захаров**.

Публика на концерте собралась самая разная – постоянные гости концертов Музея им. Н. Г. Рубинштейна, профессора и студенты Московской консерватории. Слушатели заинтересованно знакомились с музыкой В. П. Задерацкого, открывая новую для себя страницу русского искусства. Сочинения композитора – сложные, напряженные – были приняты очень тепло. А в завершение концерта в зале будто повис немой вопрос: сколько же еще будет открыто и восстановлено имен, стертых безжалостно рукой истории?!

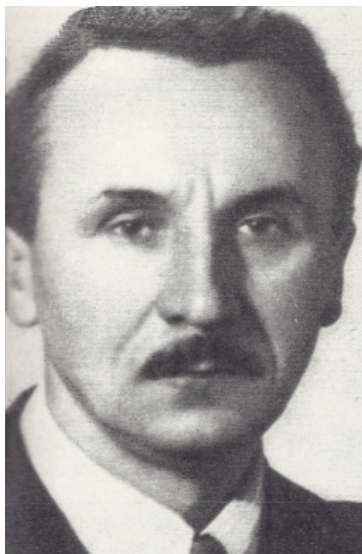
Алина Булахова, студентка III курса ИТФ

«НЕ СМЕЙТЕ ЗАБЫВАТЬ УЧИТЕЛЕЙ...»

Среди многочисленных питомцев профессора **К. Б. Птицы** было немало талантливых музыкантов, многие из которых и сегодня занимают первые ряды в отечественной хоровой культуре. К сожалению, имя **Василия Федоровича Балашова (1909 – 1989)**, в прошлом – профессора Московской консерватории, автора научных и методических работ, главного хормейстера Государственного академического русского хора СССР, сейчас незаслуженно забыто.

Выходец из Тверской губернии, Василий Федорович с детства проявил талант к музыке. В 20-х годах, уже в Москве, он не только учится в музыкальном техникуме имени Скрябина по классу скрипки и ударных как литаврист, но и работает во МХАТе, наблюдая игру великих актеров (по рассказу его ученика В. А. Самарина, Балашов даже сам играл на сцене – исполнял роль слепого музыканта в спектакле «Моцарт и Сальери»). «Из обучавшихся в классе ударных, – пишет его сокурсник по техникуму профессор В. Г. Соколов, – упомяну о двух моих товарищах. Один из них – Василий Балашов. Отличные успехи он обнаружил почти во всех видах ударных, чем возбудил товарищескую зависть у соклассников, не исключая и автора этих строк. А на литаврах он был поистине вирту-

озом... Долгое время он был ведущим ударником симфонического оркестра Союза ССР и неизменно заслуживал похвалу знаменитых

зарубежных и отечественных дирижеров».

В возрасте 34 лет, в разгар войны, будучи уже состоявшимся музыкантом, Балашов открывает новую страницу своей творческой биографии – поступает на дирижерско-хоровой факультет Московской консерватории в класс профессора **К. Б. Птицы** («Ученик был старше учителя на два года», – вспоминает В. Г. Соколов). Затем, пройдя аспирантуру у профессора **А. В. Свешникова**, Балашов на долгие годы становится главным хормейстером

знаменитого Государственного хора СССР.

В. Ф. Балашов, по словам его коллеги **Л. Н. Павлова**, щедро делился опытом и мастерством со студентами. Среди его учеников – **Л. Абелян, Н. Алиева, С. Анашкин, А. Волков, Л. Николаев, М. Осеннева, А. Петухов, В. Самарин, Б. Тевлин, В. Темкин**. Он многократно работал председателем государственной комиссии в различных учебных заведениях, в течение многих лет консультировал **Н. В. Матвеева** по церковному пению, а в 1955 году был командирован в Китай, где создал первый дирижерско-хоровой факультет.

Сегодня трудно найти какую-либо информацию о **В. Ф. Балашове**: все, что есть – это пара строк в Интернете и личные воспоминания музыкантов, общавшихся с ним или у него учившихся. И это неправильно – как неправильно не знать истории своей страны, своей семьи, быть «Иваном, не помнящим родства»... Наверное, именно о таких людях, как **В. Ф. Балашов**, писал **Андрей Дементьев**:

Не смейте забывать учителей. Пусть будет жизнь достойна их усилий.

Учителями славится Россия, Ученики приносят славу ей.

Не смейте забывать учителей.

Ольга Ординарцева, студентка II курса ДФ

КОНЦЕРТ

ДИАЛОГИ МАСТЕРОВ

В начале февраля произошло одно из тех событий концертной жизни, что хотя и изредка случаются удивлять. Знакомое уже нескольким поколениям энтузиастов ренессансной вокальной полифонии имя **Питера Филлипса**, руководителя всемирно известного английского вокального ансамбля «The Tallis Scholars», появилось на афише **Рахманиновского зала**.

Хотя маэстро Филлипс не впервые в Москве, его приезд каждый раз оказывается уникальным праздником ренессансной музыки, который длится несколько дней. Уже третий раз он выступает с московским вокальным ансамблем «Интрада». **Екатерина Антоненко** – недавняя выпускница Московской консерватории, основатель и руководитель «Интрады» – чудесным образом объединяет в себе голубиную кро-

литургический текст или переключаясь иначе (последний номер программы – мотет **Виктории «Vidi speciosam»** – содержал музыкальную цитату из мотета его предполагаемого учителя **Палестрины «Tu es Petrus»**, исполненного первым).

Слушателю была предоставлена редкая возможность, пользуясь содержащимися в буклете текстами и их переводами, подготовленными **Е. Антоненко** и **Р. Кузьминым**, наблюдать, как словесный библейский текст музыкально преображается в руках **Берда** и **Палестрины**, **Палестрины** и **Виктории**. Запомнилось, например, как два последних автора изобретательно и совершенно по-разному – ритмически, мелодически, полифонически – интонировали слово **Alleluja** в мотете «Dum compleretur», посвященном сошествию Святого Духа на апостолов. Перед нами предстали две музыкальные фрески, посвященные евангельскому эпизоду,

тость музыкального дара и змеиную мудрость менеджера. Энтузиазм наших ребят, их работоспособность и профессиональная чуткость покорило маститого музыканта, и вот уже в третий раз мы радуемся улыбке Филлипса.

Коллектив ансамбля «Интрада» за последние четыре года принял участие в мастер-классах звезд первой величины в мире исполнения старинной музыки – **Майкла Чанса, Эммы Керкби, Пола Эсвуда** – и совершил поездки на международные курсы и мастер-классы в Италию и Австрию. В отличие от русских барочных инструменталистов, которые ныне могут получить образование на родине, российским певцам, взявшимся за чрезвычайно редкое у нас дело исполнения западной духовной и светской музыки ренессанса и барокко, приходится гораздо труднее. Практически отсутствует отечественная школа аутентичного исполнительства западной вокальной полифонии.

Очередной визит английского «директора музыки» – некоторое время назад Филлипс занял престижное место музыкального руководителя основанного в 1264 году **Мертон-колледжа** в Оксфорде – включал в себя три мастер-класса и лекцию. Программа концерта была подобрана Филлипсом особым образом: входящие в нее сочинения (за исключением мессы **Берда**) образовывали пары друг с другом, будучи написаны на один и тот же

пронизанному динамизмом, движением. «Рассматривая» слухом два мотета на один текст, слушатель ловил себя на мысли о сходстве такого способа созерцания старинной католической духовной музыки и живописных изображений на один известный сюжет. Думается, что многие посетители этого концерта благодаря предваряющим комментариям Филлипса и способ построения программы, может быть, впервые ощутили себя по отношению к вокальной музыке Высокого Ренессанса на более близком расстоянии.

Принцип парных переключек и текстовых арок организовывал не только репертуарный состав вечера, но отразился и в других его сторонах: английская и русская речь (вела концерт и переводила комментарии Филлипса **Ирина Тушинцева**) тоже образовывала – речевую, языковую – арку, «витающую» над сценой. И еще одна переключка: один из двух парных мотетов (**Палестрина – Берда**) был продирижирован Филлипсом, а другой – **Екатериной Антоненко**, которая в остальное время занимала скромное место в партии альтистов. Вдохновенно исполненный под ее руководством мотет **Берда** без преувеличения стал одним из кульминационных моментов вечера.

Будем надеяться, что творческий диалог с **П. Филлипсом** будет продолжаться.

Доцент Г. И. Лыжов

Главный редактор:
профессор **Т. А. Курьшева**
Ответственный редактор:
доцент **М. В. Щеславская**
Оригинал-макет:
М. В. Переверзева
Сдано в печать: 15.04.2011

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
e-mail: newspapers@mosconsv.ru
Интернет: gm.mosconsv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37912
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА